

радов В.В. Стилистика, теория поэтической речи, поэтика. М., 1963. С. 150.

⁶ Белый А. Как мы пишем. М., 1989. С. 16.

⁷ Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. М., 1968. С. 112.

⁸ Белый А. Как мы пишем. С.20.

⁹ Эткинд Е.Г. Ритм поэтического произведения как фактор содержания // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. М., 1974. С. 105-106.

¹⁰ Реальный центр полного текста романа, который был опубликован Пушкиным в 1833 г., находится, по подсчетам В.В. Набокова, в V строфе 5 главы, строки 6-7. - Набоков В.В. Комментарий к роману А.А. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998. С.42.

¹¹ Маркович В.М. Сон Татьяны в поэтической структуре «Евгения Онегина» / Болдинские чтения. Горький, 1980. С.25.

¹² Набоков В.В. Комментарий к роману А.А. Пушкина «Евгений Онегин». С.57.

¹³ Гершензон М.О. Статьи о Пушкине. Л., 1926. С.102-103. О том же писал, напр. В.С. Непомятый: «Нужно пройти весь роман шаг за шагом, чтобы со всей наглядностью уяснить, что центральным и безусловно главным событием его является сон Татьяны...» - Непомятый В.С. Пушкин... С.160.

¹⁴ Белый А. Ритм как диалектика и «Медный всадник». М., 1929. С. 67.

¹⁵ Гринбаум. О.Н. Гармония строфического ритма... С. 37-43.

¹⁶ Подробный анализ архитектоники этих фрагментов романа выходит за рамки настоящей работы.

¹⁷ Принцип формирования ряда Фибоначчи состоит в том, что каждый последующий элемент этого ряда равен сумме двух его предыдущих элементов.

¹⁸ Томашевский Б.В. О стихе. Л., 1929. С.56; Томашевский Б.В. Пушкин: Работы разных лет. М., 1990. С.63.

¹⁹ Розенов Э.К. Закон золотого сечения в поэзии и музыке / Э.К. Розенов. Статьи о музыке. М., 1982. С.127.

Е.Ю.Питерцева (Череповец)

Мотивы мести и возмездия в «Двойнике, или Моих вечерах в Малороссии» А. Погорельского и «Повестях покойного Ивана Петровича Белкина» А. С. Пушкина (проблема диалога циклов)

«Отец мой непрестанно мне твердил <...> имей сердце, имей душу, и будешь человек во всякое время».¹

Конец XVIII - первая треть XIX века - один из самых сложных периодов в жизни России. Как замечает Ю. М. Лотман, трагедия времени «активно формировала психологию людей <...> приучала их смотреть на себя как на действующих лиц истории».² Этим обусловлено стремление человека соответствовать в своих взглядах, мыслях, поступках требованиям эпохи, его желание восстанавливать утраченную гармонию во всех сферах жизни, в том числе и человеческих отношениях. Конфликты между долгом и честью, любовью и общественным мнением, правдой и ложью, человеческой слабостью и необходимостью, волей одного челове-

ка и судьбой составили сюжеты целого ряда литературных произведений. Ситуации мести и возмездия - возможные варианты реализации таких противоречий. Благодаря особой значимости (связь с общекультурной традицией) и повторяемости, они вошли в литературные тексты на уровне мотивов, обнаруживая тем самым межтекстовый диалог. Цель настоящей работы заключается в том, чтобы рассмотреть функции двух связанных по значению мотивов мести и возмездия в романтическом цикле А. Погорельского и реалистическом цикле А. С. Пушкина, а также выявить их роль в переключке текстов.

В силу своей семантики мотивы мести как «оплаты злом за зло, обидой за обиду» и возмездия как «воздаяния по заслугам» нашли свое отражение в литературе предромантизма и романтизма, в частности, произведениях А. А. Бестужева-Марлинского («Ревельский турнир», «Кровь за кровь»), В. К. Кюхельбекера («Адо»), О. М. Сомова («Приказ с того света») и др. Вошли они и в романтический цикл повестей «Двойник, или Мои вечера в Малороссии» (год публикации - 1828). Имя автора цикла А. Погорельского (А. А. Перовского) как создателя первого в русской прозе нового жанрового образования занимает особое место в беллетристике 1810 - 1820-х годов. Традиционные мотивы мести и возмездия используются писателем в двух значениях. Во-первых, ситуация, когда персонаж оказывается наказанным другим человеком или судьбой, повторяется в цикле три раза: в рассказе об убитой жене трактирщика, отомстившей своему мужу после своей смерти («Вечер второй»), а также повестях «Пагубные последствия необузданного воображения» («Вечер третий») и «Путешествие в дилижансе» («Вечер шестой»). Тем самым, названные мотивы выполняют в «Двойнике» циклообразующую функцию. Во-вторых, в цикле затрагивается проблема мотивировки действий человека, решившегося на месть (хотя этот вопрос в цикле подробно не исследован): «Все пороки и слабости человеческие, как то: ненависть, злоба, подлость, мстительность (курсив мой. - Е. П.), зависть <...> имеют сильное на наш ум влияние» («Вечер четвертый»).³ Упомянув среди других отрицательных черт характера человека способность к мщению, Погорельский наделяет традиционный мотив нравственно-психологическим и воспитательным значениями. Не случайно, что уже в «Вечере первом», дифференцируя предполагаемую читательскую аудиторию, автор «Двойника» создает образ «молодого читателя». К такому юному человеку, еще не имеющему жизненного опыта, писатель, в частности, и обращается в своем цикле. В этом отношении автор выступает в столь привычной для себя в реальной жизни роли старшего друга, доброго наставника и мудрого советчика.

Через два года после выхода «Двойника» те же мотивы были использованы А. С. Пушкиным в эпическом цикле «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» (опубликован в 1831 году). Включенная в «Гробовщик» (третья повесть) прямая отсылка к «Двойнику» связывает романтический и реалистический циклы в активном диалоге. Хронологическая

близость текстов усиливает переключку, обозначенную самим Пушкиным. Мотивы мести и возмездия вошли в первое произведение пушкинского цикла - «Выстрел» (сильная позиция), в чем заключается их циклообразующая функция. Двойной эпитафией отсылает память читателя к поэме «Бал» Е. А. Баратынского и повести «Вечер на бивуаке» А. А. Бестужева-Марлинского, где мотив мести реализуется в ситуации дуэли, характерной для России 1820 - 1830-х годов. Название, цитаты, предваряющие текст, экспозиция «Выстрела» формируют ожидание захватывающего романтического сюжета, уже знакомого современникам писателя.

Сообщение о наказании злом за зло составило эпилог «Пагубных последствий необузданного воображения» Погорельского. О мести говорится в письме старого графа (отца героя повести - Алцеста) рассказчику Ф**: «Профессор, о котором вы пишете <...> поклялся мстить мне и всему моему роду...» (с. 84). Расположенное в конце произведения письмо, заставляет читателя заново переосмыслить сюжет романтической повести. Случившееся с Алцестом несчастье («женитьба» на кукле) было подстроено механиком-вентрилоком Андрони, использовавшим для этого свои знания и способности.

Та же деталь - письмо, пришедшее, однако, на имя главного героя, а не рассказчика, как это было в повести Погорельского, вошла в реалистическую повесть Пушкина «Выстрел»: «Однажды подали ему пакет, с которого он сорвал печать с видом величайшего нетерпения. Пробегая письмо, глаза его сверкали».⁴ В отличие от беллетристического текста, послание поверенного по делам не вводит, а только мотивирует появление проблем мести и возмездия в рассказе Сильвио: «Шесть лет тому назад я получил пощечину, и враг мой еще жив <...> С тех пор не прошло ни одного дня, чтоб я не думал о мщении. Ныне час мой настал...» (т. 6, с. 91, 94). О важности этой художественной детали свидетельствует повтор (упоминание о письме обрамляет «исповедь» героя, предваряя и завершая ее) и сильная эмоциональная реакция Сильвио («с видом величайшего нетерпения», «глаза его сверкали»), чего не было в беллетристической повести. В противоположность произведению Погорельского, сам текст письма передается в «Выстреле» не прямо, а опосредованно, через непрямую речь (минус-прием). В лаконичном пушкинском тексте называется только одно событие, ради которого сообщение было написано, - предстоящая женитьба графа. Известие о готовности Сильвио осуществить месть замыкает первую часть пушкинской повести (и отчасти объясняет экспозицию: странный образ жизни героя, отказ от дуэли с поручиком Р***) и в то же время мотивирует продолжение текста (выполняет функцию завязки для второй части «Выстрела»).

Подобно романтическому персонажу из повести Погорельского - профессору Андрони, герой Пушкина ждет определенного момента, чтобы выполнить свое намерение и тем самым восстановить справедливость.⁵ Андрони наказывает своего врага через очень большой промежуток времени после ссоры (она произошла в «молодых летах»), когда жизнь ста-

рого графа близится к завершению. Находясь в «преклонных летах», N... возлагает большие надежды на «обожаемого» им сына, «единственного наследника своего имени и богатства» (с. 59 - 60). Алцест для своего отца - самый дорогой и близкий человек. По этим причинам юноша, а не старый граф, стал жертвой мщения Андрони. Такое наказание было для N... особенно жестоким. Профессор тщательно, до последней мелочи, заранее распланировал свои действия. Он специально в 17** году приехал из Неаполя в Лейпциг (куда был отправлен Алцест) с лекциями по «математике, механике и астрономии» (приглашение от университета получено по просьбе самого Андрони). Ученый создал механическую куклу - Аделину, которую привез с собой в качестве своей дочери («знакомство» героя с ней произошло случайно). За «несколько недель» пребывания в Лейпциге профессор снял дом, находящийся на той же Гриммской улице, что и наемная квартира молодого человека. В этом «огромном» двухэтажном доме Андрони разместился так, чтобы окна комнаты его «дочери» находились напротив окон комнаты Алцеста. В результате профессор спровоцировал «безумную» любовь молодого человека, поглотившую, «как бездонная пропасть», «все чувства <...> все понятия» героя (с. 62). Подробно рассказывая об этих событиях (цели которых читатель не знает), автор усиливает напряженность действия, что соответствует поэтике «загадочных» повестей, характерных для романтизма.

Такая новеллистическая «заостренность» и «контрастность» повествования еще более сильна в «Выстреле».⁶ По сравнению с «Пагубными последствиями», период ожидания мщения для Сильвио намного короче - шесть лет. Все это время посвящено приготовлениям к «наказанию» графа, что напоминает беллетристический текст. Однако в первой части пушкинской повести, а особенно в «исповеди», читателю приоткрываются не столько действия героя-мстителя, сколько их психологическая сторона. Сильвио, «замкнувшись на идее мщения <...> шаг за шагом прерывает свои контакты с живой жизнью. Отставка, добровольное затворничество <...> неомытая честь и отказ от всего человеческого - единственный оклик ума и сердца на уроки действительности».⁷ То, что было только намечено в беллетристической повести Погорельского, развито в тексте Пушкина. Поводом для осуществления планов Сильвио становится женитьба графа. Как и профессор Андрони, пушкинский герой выбирает тот момент, когда наказание будет наиболее суровым. Вновь разрушительная сила мести вторгается в сферу семьи, и от действий чужого человека страдает не только участник ссоры, но и близкие и родные ему люди.

Козни Андрони из повести Погорельского достигли своей цели: раскрыв тайну Аделины, Алцест пережил сильнейшее душевное потрясение, что привело героя к возможному сумасшествию («выбежал из комнаты, громко смеясь и скрежеща зубами» (с. 84)) и исчезновению, а может быть, и гибели (об этом прямо не сказано). Однако идея романтического произведения заключается не в провозглашении справедливости

мести. В финале реализуется воспитательное значение «Пагубных последствий», заложенное в названии. Отсутствие жизненного опыта и, самое главное, «слишком пылкое воображение» сделали героя уязвимым для мести. Такая дополнительная семантика, выходящая за пределы собственно литературы, свойственна поэтике беллетристов. Наказание Андрони в то же время оказывается для Алцеста и справедливым возмездием.

Семантика «воздаяния по заслугам», заявленная во второй повести «Двойника», продолжена и развита в последнем произведении цикла - «Путешествие в дилижансе». Она реализуется в эпилоге, где сообщается о гибели героя - полковника Фан-дер-К...: «...и с тех пор не видал его. Говорят, что он вскоре потом поехал в Новую Голландию, где съеден был дикими...» (с. 157). Концовка романтической повести подводит итог жизни героя, некогда убившего свою воспитательницу, «вторую мать», обезьяну Туту: «Мысли мои помутились... Я сам не знал, что делал. Ружье было заряжено <...> раздался выстрел... бедная Туту упала к ногам моим...» (с. 156).

История несправедливого выстрела, переданная со слов полковника, наряду с другими произведениями (в частности, А. А. Бестужева-Марлинского), могла вспомниться читателю во второй части пушкинской повести, включающей рассказ графа о повторной дуэли: «Голова моя шла кругом ... Кажется, я не соглашался... Наконец мы зарядили еще пистолет <...> Не понимаю, что со мною было, и каким образом мог он меня к тому принудить... но - я выстрелил <...> Я выстрелил <...> и, слава богу, дал промах» (т.6, с.100). Вспоминая о выстреле, не принадлежавшем ему по праву дуэли, граф, подобно полковнику Фан-дер-К..., заново переживает случившееся (причем обе «исповеди» переданы со слов рассказчиков повестей - «молодого человека» и подполковника И.Л.П.). С помощью средств языка передается сильное волнение героев. На это указывает синтаксическая организация текстов (короткие, отрывочные предложения, оборванные фразы и как следствие - большое количество многоточий). Оба героя смутно осознают происходящее («мысли мои помутились» - «голова моя шла кругом», «я сам не знал, что делал» - «не понимаю, что со мною было»). Стилистическая близость классического текста к беллетристическому обусловлена общим литературным источником - поэтикой романтической повести.⁸ Существенное отличие реалистического повествования от романтического обнаруживается в употреблении глагольных форм. В рассказе об убийстве Туту Погорельский использует страдательный залог («ружье было заряжено», «раздался выстрел»), в рассказе графа залог действительный («мы зарядили еще пистолет», «я выстрелил», «дал промах»). Из «исповеди» полковника складывается впечатление, будто бы действиями романтического героя руководит некая иная сила. Тогда как граф, понимая всю глубину своего морального поражения в поединке с Сильвио, не снимает с себя ответственности за содеянное (это подтверждает и синтаксический повтор - «я выстрелил»). Сложность психологических пережива-

ний героя обуславливает формирование реалистического характера.

Свершившееся зло, согласно представлениям романтиков, разрушает счастье и внутренний мир героя Погорельского, обрекая его жизнь на бесконечные муки совести («я искал смерти, но она упорно меня убегала...» (с.156)). Раскаянье становится для Фан-дер-К... навязчивой идеей, той страстью, которая не оставляет его сознание ни на минуту («езде тень убитой Туту меня преследовала» (с. 156)). Не человек, а судьба совершает возмездие, заставляет героя расплачиваться за свои грехи. Таким образом, в соответствии с поэтикой романтизма, «центральный персонаж извлекает последствия из своих собственных действий, «наказание» за свою личную «вину»...»⁹

Подобно «Путешествию в дилижансе», сообщением о смерти заканчивается и «Выстрел»: «С героем <...> уже я не встречался. Сказывают, что Сильвио, во время возмущения Александра Ипсиланти, предводительствовал отрядом этеристов и был убит в сражении под Скулянами» (т.6, с.101). О значении эпилога пушкинской повести сказано много. Применительно к повести Погорельского важно то, что Пушкин, как и писатель-романтик, использует похожие стилистические приемы, создающие форму слухов и предположений («не видал» - «не встречался», «говорят» - «сказывают»). Однако, в отличие от романтического текста, эпилог «Выстрела» не только завершает произведение, но и наделяет образ новой семантикой. Во второй части пушкинской повести предстает не тот Сильвио, который отказался когда-то стрелять в молодого графа. В результате внутреннего изменения героя трансформировалась и идея мести. По словам В. В. Гиппиуса, Сильвио «сопротивляется моральному праву убить безоружного, самая мстительность его не нуждается в уничтожении противника, и он удовлетворяется более тонкой нравственной мстостью».¹⁰ Степень такого духовного преображения раскрывается в эпилоге. То, что Сильвио «присоединился к восставшим грекам» и «стал героем освободительной борьбы», поднимает его образ «на очень большую высоту».¹¹ В результате трансформации и достраивания романтического текста складывается противоречивый реалистический характер, формирование и изменение которого определяется не роком, а жизненным опытом.

Так, в диалоге реалистической повести Пушкина с романтическим циклом Погорельского на уровне мотивов мести и возмездия обнаруживается общая закономерность обращения автора-классика с литературным контекстом, отмеченная В. М. Марковичем: «соприкасаясь с разными беллетристическими мотивами», пушкинский текст «ни с одним из них не совпадает». В результате «образуется смысл, насыщенный литературными отражениями, о многом напоминающий, многому созвучный и при всем том «беспрецедентный», выходящий за пределы уже сложившегося и известного».¹² Проблема мести и возмездия, переосмысленная Пушкиным, найдет свое продолжение в классической литературе XIX века, в том числе прозе Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского.

¹ Фонвизин Д.И. Собр. соч.: В 2 т. М.;Л.,1959. С. 130.

² Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII - н. XIX в.). СПб., 1994. С. 186.

³ Погорельский А. Избранное. М., 1985. С. 93. Далее ссылки на это издание даются в тексте.

⁴ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.;Л., 1949. Т.6. С. 89. Все последующие отсылки к этому изданию с указанием тома и страницы находятся в тексте.

⁵ См.: Дебрецени Пол. Блудная дочь. Подход Пушкина к прозе. СПб., 1996. С.116, 121.

⁶ Гей Н.К. Проза Пушкина: Поэтика повествования. М., 1989. С.123.

⁷ Петрунина Н.Н. Проза Пушкина: Пути эволюции. Л., 1987. С. 146.

⁸ См.: Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М., 1941. С. 577.

⁹ Манн Ю.В. Поэтика русского романтизма. М., 1976. С. 275.

¹⁰ Гиппиус В.В. От Пушкина до Блока. М.;Л., 1966. С. 30.

¹¹ Благой Д.Д. Мастерство Пушкина. М., 1955. С. 233.

¹² Маркович В.М. «Повести Белкина» и литературный контекст // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1989. Т.ХIII. С. 68 - 69.

С.В Рудакова (Магнитогорск)

Художественные образы «зрительного восприятия» в лирике Е.А.Боратынского.

«Зрительному восприятию» в лирике Е.А. Боратынского отводится особая роль в ряду других форм восприятия окружающей действительности, это обуславливает появление в произведениях поэта образов органа зрения - «глаз», а также упоминание деятельного состояния этого органа - «взора», «взгляда», «воззрения».

Бытие предстает перед поэтом в своей видимой и слышимой оболочке. Но человек познает мир прежде всего через зрение, ведь «глаз - более точный свидетель, чем ухо <...>, зрение - путь к мозгу»¹. Глаз оказывается тем органом, что обращен во внешнее пространство и во внутренний мир, непосредственно связывает внутреннее и внешне. Глаза лирического героя Боратынского обладают не только физической способностью «зреть» окружающий мир, передавая эту видимую картину человеку, отыскивать в мире сущего светлое начало, но, как орган духовного видения, глаза сами порождают свет, пронизывающий душу героя и озаряющий близлежащее пространство. То есть глаза лирического героя поэта, подобно солнцу, могут излучать свет, льющийся из души. Через глаза передается внутреннее «горение» человека, они выявляют его духовность.

Зрение не только помогает человеку воспринять окружающий мир, благодаря ему лирический герой может вступать в зрительный контакт с себе подобными, и связь эта подразумевает обоюдную заинтересованность обеих сторон.

ПО ЦАРСТВУ И ПОЭТ

**Материалы
всероссийской научной конференции
«Н.М.Языков и литература пушкинской эпохи»**

**Средневолжский научный центр
Ульяновск, 2003**

УДК: 8Р1
ББК : 83.3(2=Рус)5
П-41

Издание подготовлено и осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 03-04-14028 г.

**Составитель
и
ответственный редактор
А.П.Рассадин**

Редакционная коллегия: А.А. Карпов (Санкт-Петербург), Н.В.Нарышкин (Казань), С.Б.Петров (Ульяновск), А.П.Рассадин (Ульяновск), Л.А.Сапченко (Москва)

П-41. По царству и поэт: Материалы всероссийской научной конференции «Н.М. Языков и литература пушкинской эпохи» / Сост. и отв. ред. А.П. Рассадина - Ульяновск: Средневолжский научный центр, 2003. - 260 с.

ISBN 5-7769-0105-7

В сборнике представлены избранные материалы (доклады, сообщения, архивные документы), подготовленные участниками всероссийской научной конференции «Н.Языков и литература пушкинской эпохи» (Ульяновск, 24-26 апреля 2003 года), прошедшей на родине выдающегося русского поэта и приуроченной к 200-летию со дня его рождения. Для литературоведов, филологов, историков русской культуры и литературы.

ISBN 5-7769-0105-7

ББК: 83.3(2=Рус)5 - Языков

© Коллектив авторов, 2003
© «Средневолжский научный центр», 2003
© Рассадина Д.А., дизайн обложки, 2003